

© 2003 г.

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ

ИММИГРАЦИЯ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО СТОЛЕТИЯ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович - доктор экономических наук, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, заместитель главного редактора журнала "Свободная мысль".

"До тех пор, пока ведущие либеральные демократии - такие, как США и страны Европы - будут испытывать нужду в поставляемой извне дешевой рабочей силе, будет продолжаться и "перевернутая глобализация", когда периферия мигрирует к центру, что сопряжено с ослаблением резидентства, культурной идентичности и прав гражданства".

Сейла Бенхабиб. The Claims of Culture. 2002.

Миграция всегда обуславливалась, прежде всего, материальными потребностями людей, даже если и выглядела на первый взгляд следствием каких-то сугубо политических причин. Для самих переселенцев решение искать лучшей доли в чужих краях имеет личный, индивидуализированный характер, но философы и социологи стараются осмыслить это явление с более широких позиций, оценивая взаимодействие различных социальных систем. То, что для отдельного человека было проблемой интересов, для обществоведов становилось проблемой ценностей; неудивительно, что дискуссия вокруг этого вопроса продолжается уже несколько веков и с каждым десятилетием становится все более оживленной.

На протяжении последних четырех столетий основные миграционные потоки, оказавшие серьезное влияние на тенденции мирового развития, либо порождались европейской цивилизацией, либо были направлены в главные центры западного мира [1]. Поэтому логично рассматривать проблемы миграции в контексте взаимодействия западных и незападных ценностей, противостояния принципов индивидуализма, демократии, личной свободы и различных форм коллективизма и этатизма. Такой подход не означает сравнения определенных социальных систем с целью выявления более предпочтительной из них; вместе с тем недопустимо закрывать глаза на то, что современная миграционная динамика со всей остротой ставит проблему если не конфликта цивилизаций, то, во всяком случае, их взаимодействия.

Данная публикация является продолжением статьи "Иммиграция: новая проблема нового столетия. Исторический очерк", опубликованной в журнале "Социологические исследования" № 4, 2003 г.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что любая социальная традиция является продуктом великой исторической преемственности, человек ограничен в возможностях ее преодоления, поскольку ценности, обретенные в юные годы, практически не могут быть вытеснены из его сознания [2]. Поэтому общество может оставаться самим собой до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей вектор дальнейшего развития; в данном контексте научным и практическим содержанием наполняется вопрос, где пролегает грань, переходя за которую общество утрачивает возможность поддерживать традиции, определяющие его культурное своеобразие. Между тем именно эта проблема оказывается в центре внимания всякий раз, когда начинают обсуждаться вопросы, касающиеся современных миграционных тенденций.

Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась этническая и национальная неоднородность общества. Начиная с XVIII и вплоть до первой половины XX в. социологи, воспитанные в европейской традиции, подобно Ж. де Местру, утверждали, что "нация не образуется из [простого] собрания людей", что "попытку думать иначе следует рассматривать как один из наиболее знаменательных примеров безумства" [3, р. 218]. Дж.Ст. Милль считал, что "среди людей, между которыми нет чувства приязни, особенно если они читают и говорят на разных языках, не может возникнуть согласованных представлений, необходимых для образования институтов представительства", вследствие чего "пределы [ответственности] правительств должны в целом совпадать с национальными границами" [4, р. 233]. Отчасти это подтверждалось практическим опытом: общества, сходные в основных чертах с европейскими, возникли только там, где колонисты из Старого Света составили абсолютное большинство населения [5, сс. 46-47]. Все это означало, что политическое устройство, основанное на принципах либеральной демократии, возможно лишь там и тогда, где и когда люди "связаны общностью территории, исторического опыта, традиций и обычаев, равно как и складом мыслей и чувств" [6, pp. 130-131]. С этой точки зрения многонациональные государства - исключение; стабильность в них может поддерживаться лишь военной силой, поэтому они считались несовместимыми с принципами демократии. Этим, в частности, объясняется резкое осуждение отцами-основателями Соединенных Штатов иммиграции из стран континентальной Европы [7, pp. 47-48].

Для подобных воззрений были основания. Если исходить из того, что "демократия основывается на различных вариантах правления большинства, а это предполагает, что большинство - явление неустойчивое, и сегодняшнее меньшинство имеет возможность в свое время стать большинством" [8, с. 225], то либеральная политика вряд ли должна учитывать интересы устойчивых социальных групп, которые образуются не в результате добровольного и осознанного выбора людей, а в силу иных причин, подобных расовым, половозрастным или связанным с вероисповеданием. Иначе окажется поставленной под угрозу идентичность западного общества, в основе которой лежит автономность индивидов, равенство прав, приоритет личных интересов над групповыми и классовыми. Между тем, сама природа этнических и национальных сообществ противоречит этим основам, ибо "идентичность этнических групп, в отличие от прочих, определяется по линиям разьединенности (by dividing lines)" [9, р. 72]. Именно поэтому либеральное демократическое общество начинает терять "опору под ногами", когда "все сильнее ощущает себя состоящим из групп более или менее неискоренимого этнического характера" [10, р. 21], а граница между большинством и меньшинством из подвижной превращается в устойчивую [11, р. 80].

Опыт Соединенных Штатов Америки представляет собой уникальный пример устройства общества вопреки подобным соображениям, попытку совершенствования гуманистических идеалов западной цивилизации. Однако в некоторых важных аспектах американский опыт означает не столько пересмотр традиционных ценностей, сколько полный отказ от них, и последствия такого вольного или невольного отказа крайне поучительны.

В становлении страны был элемент не только развития, но и отрицания европейской традиции государственности. В основу положен принцип политического и гражданского равенства, понимаемый формально и излишне (если так можно выразиться) прямолинейно. С одной Стороны, граждане получали права и свободы, немислимые в то время в Европе; правительство не воплощало собой коллективную волю нации, а служило инструментом согласования индивидуальных интересов. С другой стороны, решительность, с которой были заявлены принципы индивидуализма и частной собственности, не вписывалась в европейские традиции. В результате в США была принята "доктрина гражданства, уделяющая внимание исключительно политическим правам" [12, р. 43], в то же время открыто отказывающаяся именно в них неграм, составлявшим значительную часть населения Соединенных Штатов. Поэтому, пусть даже отцы-основатели США и рассматривали "американскую республику как государство, действующее по законам просвещенного рационализма, [которому] суждено служить образцом для народов, вынужденных жить при более жестоких режимах" [8, с. 266], американская идея изначально не удовлетворяла требованию всеобщности, обязательному с точки зрения равенства.

Отчасти в качестве своеобразной "компенсации" этого недостатка провозглашено, что гражданство в США определяется не принадлежностью к потомкам европейских переселенцев и не местом рождения, а приверженностью общим для населения ценностям. Еще на заре своей истории Соединенные Штаты «определяли себя как нацию, приверженную... принципам свободы, равенства и согласованного принятия решений... [Отсюда следовало, что] американские ценности "этнически анонимны" и должны дополняться привносимым иммиграцией культурным многообразием» [13, р. 148]. Как в самые трудные для США дни отмечал Ф. Рузвельт, "принцип, на котором была построена и которым во все времена управлялась наша страна, предполагает, что принадлежность к ней не определяется и не определялась расовыми или наследственными [чертами]; хорошим американцем может быть всякий, кто верен этой стране и разделяет нашу приверженность свободе и демократии" [10, р. 43]. Эти слова как нельзя лучше проясняют различие между национальной идентичностью, определяемой идеологическими соображениями, и идентичностью, порождаемой общей историей. Интересно их сравнить со словами У. Черчилля, заявившего в знаменитой речи против запрета британской коммунистической партии, что *гражданин*, например, *Британии*, *какие бы убеждения он ни исповедовал, не может оказаться не британцем* [14, р. 8]. Развитие позиции Ф. Рузвельта логичным образом привело к положениям, согласно которым *"те, кто отрицает американские ценности, суть не американцы"* [15, р. 31], и даже, более того, *антиамериканцы* [16, р. 34]. Но так же логично и то, что свобода иммиграции (по крайней мере, провозглашаемая в качестве нормы) стала одним из основных принципов функционирования американского общества [17, pp. 100-101].

Изучение американского и европейского подходов к проблеме иммиграции становится особенно актуальным, поскольку США выступают ныне признанным лидером западной цивилизации и потому ассоциируются с западными ценностями, равно как и порождают стремление, порой весьма некритическое, следовать их путем.

В контексте рассматриваемой проблемы понятия *индивидуализма* и *толерантности* требуют переосмысления. Казалось бы, описываемые ими явления общественной жизни имманентно присущи западной культуре, однако в американской социальной теории последних десятилетий их смысл оказался вопиющим образом искажен.

Принцип индивидуализма предполагает, что каждый гражданин как член общества обладает равными правами; отсюда следует, что, имея право на защиту и утверждение собственных прав, он не может предпринимать действий, ущемляющих права остальных граждан или отдавать предпочтение правам одних по отношению к правам других. Граждане могут достигать своих индивидуальных целей как в одиночку, так и объединяясь в группы и союзы; важно, что характер деятельности таких групп определяется *целями, которые ставят* участвующие в них люди, *а не качествами, которыми они обладают*. Основанное на принципах индивидуализма, либеральное обще-

ство допускает и даже предполагает плюрализм, однако рассматривает его и как саму суть, и как главный вызов демократии" [18, р. 115].

Провозгласив свободу и демократию определяющими факторами национальной идентичности, отцы-основатели США *формулировали всеобъемлющие принципы исходя из весьма специфических условий*. Как отмечает М. Линд, освободившись от владычества британской короны в конце XVIII в., страна представляла собой продукт британской культуры и могла быть названа Английской Америкой; и даже когда в XIX столетии масштабная иммиграция из Старого Света превратила Соединенные Штаты в Европейскую Америку, природа американского общества, формально восходящая к европейским политическим идеалам, не изменилась. К середине XIX в. европейские страны не были разделенными обществами, в то время как США сохраняли рабство и допускали невиданную этническую сегрегацию. На практически неразрешимый характер проблем, порождаемых этим обстоятельством, указывал еще Г. Мюрдаль: "Предвзятость и дискриминация со стороны белых определяли низкий уровень жизни, здоровья и образования негров, их несовершенные манеры и нравы. Это, в свою очередь, подпитывало предрассудки белых. Их предвзятость и условия жизни негров, таким образом, взаимно обуславливали друг друга" [19, р. 75]. Как отмечает Н. Глейзер, "мультикультурализм - это цена, которую Америке приходится платить за ее неспособность или нежелание инкорпорировать в себя афроамериканцев на тех же принципах и в той же мере, в какой она уже инкорпорировала множество других групп" [11, pp. 147, 148].

Успех работы "правильного котла", превращавшего первые волны иммигрантов в "полноценных" американцев, породил и иную иллюзию. Поскольку "уникальность американского общества определяется, в отличие практически от всех иных обществ, тем, что оно основано на идеях, а не на национальной культуре или этнической солидарности" [20, р. 45], американские политики и социологи сочли возможным полагать, будто иммигранты стремились "не сохранять иные языки и культуры, а американизироваться как можно быстрее" [21, р. 149]. Это предположение было излишним, поскольку большинству прибывавших в Соединенные Штаты вообще не надо было "американизироваться", коль скоро они разделяли ценности демократии и свободы, на которых основывалась американская "нация".

Так или иначе, к середине XX в. в США сохранялось расово сегрегированное общество, мирившееся с культурным многообразием своих граждан, не способных быстро и болезненно отказываться от культурных традиций стран, из которых они произошли [22, р. 87]. И хотя события 60-х годов, когда афроамериканцам были предоставлены все политические права, и значительные потоки иммигрантов устремились в Америку из стран "третьего" мира, существенно изменили психологию американского общества, *многие качественно новые обстоятельства социального бытия в Соединенных Штатах по сей день трактуются в прежних, устаревших категориях*.

Толерантность американцев, которая нередко считается отличительным признаком их культуры, порождена спецификой исторического развития страны. Президент Дж. Буш-младший в своей инаугурационной речи заявил: "Америка никогда не держалась на единстве рода или территории: мы сплочены вокруг идеалов, выводящих нас за пределы наших устоев, возвышающих нас над нашими интересами и вкладывающих в нас понимание того, что значит быть гражданином" [23, р. 145]. Но именно сегодня становится ясно, что глубокое понимание сущности гражданства отнюдь не компенсирует утраты устоев и пренебрежения интересами. На протяжении периода, весьма длительного даже с точки зрения истории целой страны, Америка сознательно и целеустремленно строила качественно новую социальную реальность, и в процессе "перехода" к этой новой реальности становление собственной идентичности оказывалось не столь важной задачей, как само движение вперед. В результате в наши дни "Америка становится прибежищем разнообразных чужих культур; вместо нации, состоящей из индивидов, делающих свой свободный выбор, она оказывается собранной из групп, в большей или меньшей мере отмеченных неистребимыми этническими чер-

тами. Догма мультиэтничности пренебрегает исторически сложившимися целями, заменяя ассимиляцию фрагментацией и интеграцию сепаратизмом. Она принижает единство и превозносит разнообразие" [10, p. 21].

Толерантность в отношении к другим культурным традициям и представителям иных национальностей можно лишь приветствовать; не следует, однако, забывать, что формирование национальной идентичности на этой основе принципиально невозможно. На наш взгляд, американцы попали в плен ими же созданной иллюзии. Убедив себя, что их культура сформирована смешением различных традиций, а величие страны порождено, в первую очередь, единением представителей самых разных народов в борьбе за общие цели, американцы совершенно безосновательно, как мы полагаем, придерживаются мнения, будто простая экстраполяция сложившихся в прошлом тенденций адекватно показывает путь в будущее.

Выше мы отмечали, что в XVIII-XIX столетиях европейские порядки установились в тех странах, где выходцы из Старого Света составили, в конечном счете, большинство населения. Как показало дальнейшее развитие событий, ни в одном регионе мира, за исключением (и то несколько условным) Латинской Америки, эти порядки не были восприняты и глубоко укоренены, оказавшись ширмой, прикрывающей традиционалистские основы местных обществ. Европейцы не стали доминирующей этнической группой ни в одной стране мира. Не вытекает ли из этого возможность логической инверсии? Не может ли случиться так, что превращение потомков европейских переселенцев в новое этническое меньшинство повернет историю вспять?

Современная иммиграция не служит большим целям формирования единой общности - в этом, на наш взгляд, состоит качественное ее отличие от прежних этапов в истории Запада. В конце XIX в. один из работников службы социального обеспечения в Нью-Йорке записал в своем отчете о положении итальянской семьи, прибывшей некоторое время назад в Америку: "Пока не американизировались. Все еще готовят на итальянский манер" [24, p. 140]. Сто лет спустя не возникает и речи об уважении культурных традиций Соединенных Штатов. Сегодня до 14% населения страны не говорят по-английски; в некоторых районах испанский и китайский языки становятся основными, владение ими оказывается дополнительным основанием для приема на работу в муниципальные учреждения [25, p. 2]. Во второй половине 90-х участились случаи, когда судебные решения выносятся с учетом культурных особенностей подсудимого. Так, в 1996 г. в штате Висконсин судья, натурализованная мексиканка, оправдала иммигранта из Юго-Восточной Азии, обвиненного в растлении двух 11-летних девочек, на основании того, что "сексуальные контакты с молодыми девушками являются традиционной чертой азиатской культуры", и приговорила (!) его к бесплатному двухмесячному курсу изучения английского языка, что, как она считала, должно было способствовать его приобщению к американской культуре [26, pp. 62-64]. Американский мультикультурализм фактически подразумевает, что любой, "кто придерживается мнения о превосходстве западной цивилизации и культуры, кто считает христианство единственной истинной религией, представляется еретиком, причем опасным" [23, p. 58]. Между тем представители любого народа, приверженцы любой религии, определяя свою идентичность, так или иначе выделяют себя из массы других людей, полагая свои ценности в чем-то более высокими, идеалы более совершенными; элемент превосходства неизбежно, пусть и в скрытой форме, содержится в любой национальной или религиозной идеологии. Современная Америка превращается в структурированное общество, *теряющее способность к сохранению своей собственной идентичности*. Отсюда следует, что она не имеет права говорить и действовать от имени всего западного мира.

Проблемы иммиграции обострились в силу обретающей все большее признание концепции мультикультурализма, а также в связи с растущим у самих иммигрантов ощущением их собственного влияния.

Во-первых, распространение идей мультикультурализма, принявшее в США явно гипертрофированный характер, приводит к глубокому кризису идентичности. Исходя

из стремления облегчить иммигрантам инкорпорирование в общество, американцы пытаются придать большую значимость неевропейским культурным традициям. Уже к середине 90-х годов в американских школах на изучение истории африканских и латиноамериканских народов отводилось больше часов, чем на изучение истории европейских стран [11, р. 87]. Однако по мере укрепления диаспор исчезает согласие по вопросам трактовки истории, и среди иммигрантов возникает устойчивое мнение, что "нет общей американской культуры, на чем настаивают сторонники сохранения существующих порядков; есть лишь гегемонистская культура, насаждаемая под видом общей" [13, р. 170].

Во-вторых, тенденция к ассимиляции замещается стремлением иммигрантов к самовыражению именно в качестве членов тех или иных культурных сообществ. Особенно заметно это на примере афроамериканцев, боровшихся в 60-е и 70-е годы за *равные права*, а с конца 80-х - за предоставление им *специфических прав* и возможностей. В 90-е годы в США вновь стали реальностью расово сегрегированные школы, на этот раз появившиеся в результате свободного выбора афроамериканцев [11, pp. 88-89]. Надежды на формирование культурно однородного общества, столь сильные в 70-е годы, угасли [27], а представители меньшинств стали все более явно отторгать образ жизни белого населения, что воплощается даже в отказе от современного медицинского обслуживания и отрицании ценности высшего образования [10, pp. 108-109].

В-третьих, возникает реальная опасность модификации существующего политического порядка в случае консолидации действий множества этнических групп. Известно, например, что на выборах 2000 г. кандидатура Дж.У. Буша получила поддержку во всех 10 штатах с наименьшей долей иммигрантов в составе населения, тогда как в 10 из 12 штатов, где эта доля наиболее значительна, большинство избирателей проголосовали за А. Гора [23, pp. 135-136]. По-видимому, впредь американские политики будут более активно заискивать перед новыми гражданами своей страны.

На протяжении последних нескольких десятилетий система социального обеспечения в Соединенных Штатах постепенно превращается из средства помощи малоимущим в инструмент решения проблем меньшинств [17, pp. 90-91]; около 60% расходов на эти цели средств направляется на поддержку граждан африканского и латиноамериканского происхождения, составляющих менее 20% населения страны; при этом доля семей афро- и латиноамериканцев, находящихся за чертой бедности, на протяжении последних 20 лет лишь растет (у афроамериканцев в 1978 г. этот показатель составлял 27,5%, в 1996 г. - 26,1%; у латиноамериканцев - соответственно, 20,4% и 26,4% [28, table 15, p. 17; table 685, p. 445]).

Ощущение общего неблагополучия, связанное с иммиграцией, отражается в общественном сознании. Как показывали опросы середины 90-х годов, за снижение квоты с 1 млн. до менее чем 300 тыс. человек в год высказывались 70% респондентов, а за доведение ее до менее чем 100 тыс. человек - 54%, и это во всех слоях общества, не включая даже афроамериканцев [26, р. 57]. Опросы, проведенные в США в 2000-2001 гг., также свидетельствовали, что двукратное (по меньшей мере) сокращение иммиграции желательно для 72% граждан [23, р. 27]. Не удивительно, что после террористических актов 11 сентября 2001 г. почти 92% опрошенных предпочитают резкое сокращение иммиграционных квот, а 65% выступили даже за временное закрытие границ [29, р. 8].

Негативное отношение к иммиграции нередко ассоциируется с проявлениями национализма и расизма, что дает повод для спекуляций. Именно поэтому важно методологически последовательно и убедительно сформулировать возражения против эскалации иммиграции в границы западного мира, отделив их от агрессивных заявлений националистического толка.

Начать следует с наведения порядка в представлениях о правах человека, нередко трактуемых односторонне и с оттенком спекулятивности. Так, тезис о праве человека на свободу передвижения и выбор места жительства приводится обычно для обоснования неправомочности действий, ограничивающих иммиграцию. Безусловно, это право относится к числу фундаментальных. Однако свобода передвижения не означает свободы обретения гражданских прав; "следует четко разграничивать право пребы-

вания и претензии на включенность в общество" [30, р. 172]; любые аргументы, приводимые сторонниками свободы передвижения, "не принимают во внимание основ значения гражданства: только принадлежащие к нации (nationals) обладают всеми правами и возможностями, равно как и исполняют всю совокупность обязательств, порождаемых статусом гражданина" [31, р. 2]. Именно поэтому в европейских странах, где традиции нации-государства наиболее прочны, и где значительная доля иммигрантов не растворяется в массе граждан в ходе поспешной натурализации, сегодня "преобладает мнение о том, что вызываемая иммиграцией напряженность достигла неприемлемого уровня" [32, р. 7]. Сторонникам массивной иммиграции необходимо найти ответ на фундаментальный вопрос о том, почему права иммигрантов должны быть приоритетными по отношению к правам местных жителей или хотя бы равными им. Почему, например, все большая доля социальных пособий направляется в пользу тех, кто не принимал никакого участия в создании тех богатств, на долю которых претендует?

С позиций либерализма практически невозможно последовательно и непротиворечиво обосновать претензии иммигрантских сообществ на ту роль, которую они стремятся играть в политической и социальной жизни принявших их стран. Исторически любое общество, принимающее в свои ряды новых членов, обладало всем набором возможностей предоставлять им определенные права и возлагать на них соответствующие обязанности. Если же сложившаяся в обществе система ценностей размывается, то возможен рост социальной напряженности и, в конечном счете, упадок самого общества, что в равной степени негативно скажется как на его исконных гражданах, так и на иммигрантах. Поэтому и растет значение тех установлений и ограничений, которые обязательны для выполнения и соблюдения всеми, кто находится на территории той или иной страны - вне зависимости от того, является ли он ее гражданином, и, тем более, вне зависимости от его национальности, вероисповедания и культурных ценностей. Мы полагаем, что Запад подошел к тому пределу, за которым необходима новая редакция Декларации прав человека и гражданина.

Все более актуальны возвращение первоначального смысла западным либеральным ценностям и критический взгляд на всякого рода "совершенствования", столь модные в последние годы. Двумя фундаментальными принципами, определяющими облик западного мира, вновь должны стать индивидуализм и демократия. Традиционно в либеральной теории понятия "индивид" и "гражданское общество" считались комплементарными [33, сс. 54-56]; индивидами людей делала принадлежность к этому обществу, и они были равны друг другу именно как члены данного социального целого. Особые черты, присущие каждой конкретной личности, обуславливали возможность ее самореализации в различных сферах деятельности, и зачастую подобная самореализация требовала объединения людей в группы и ассоциации, что вовсе не противоречит идеалам индивидуализма. Вместе с тем требования, адресуемые обществу от лица индивида и мотивируемые его принадлежностью к определенной группе, резко противоречат либеральным принципам. Иными словами, группы могут и должны быть инструментом выражения индивидуальных стремлений в обществе; но сами стремления, обращенные к обществу как таковому, не должны порождаться принадлежностью человека к той или иной группе. Сегодня же, как отмечают многие социологи, "либеральное гражданское общество, созданное автономными индивидами, породило множество ассоциаций и групп, враждебных [принципу] автономности" [34, р. 44]. Демократические инструменты, свойственные западному обществу, не могут эффективно функционировать в сегментированном обществе, состоящем из различных групп и ассоциаций, выдвигающих свои претензии к обществу в целом. "Либерализм не может предложить четкую концептуальную основу (framework) для плюрализма" [18, р. 3]. Необходимо ясно понимать, являются ли либерализм и демократия на деле, а не на словах, фундаментальными принципами западной цивилизации; соответствует ли этим принципам "пропорциональное представительство", на основе которого все чаще формируются органы местного самоуправления.

Реальность такова (и она адекватным образом воспринимается большинством населения западных стран), что культуры, созданные различными народами, не столько являются равными, сколько обладают презумпцией равенства [35, р. 66]; они не обязательно враждебны другим культурам, но, как правило, все же чужды им [30, р. 57]. Мультикультурализм в том его виде, в каком он распространен сегодня в Соединенных Штатах, является, по сути, опасной демогогической идеологией, которую невозможно признать обоснованной до тех пор, пока ее "приверженцы неспособны объяснить... почему, коль скоро все культуры представляются равными, людские толпы не сносят пограничные шлагбаумы, стремясь на Кубу, в Ирак или Сомали" [16, р. 39]. Соответственно, бесосновательны и попытки подменить фундаментальные права человека правами, обусловленными его принадлежностью к определенной общности; "справедливость в отношениях между представителями различных культурных групп должна утверждаться во имя справедливости как таковой, во имя свободы, но не ради иллюзорного сохранения культур", а "распространению демократических принципов и утверждению равенства [следует отдавать предпочтение] перед поддержанием культурной самобытности" [30, р. 8]. Именно поэтому восстановление либеральных принципов и основанное на них возрождение уважения западных обществ к самим себе мы считаем исключительно важными задачами, стоящими перед Западом в новом столетии.

Чем же обусловлены перекосы, допущенные Западом в выработке и реализации современной иммиграционной политики?

Во-первых, масштабное проникновение иммигрантов произошло за достаточно короткий по историческим меркам период времени, что *позволило аналитикам рассматривать этот процесс как однородный, не выделяя отдельные его этапы*. Приходится признать, что западные социологи оставили без внимания даже то очевидное обстоятельство, что миграции XVIII и XIX веков фактически не были миграциями в западный мир из-за его пределов, а представляли собой движение населения между Европой и Америкой, воспринимавшейся как порождение самой Европы. Поэтому рассмотрение происходящих ныне процессов с тех же позиций, с каких рассматривались миграционные явления прошлых столетий, представляется нам неправомерным, ибо не позволяет выявить важнейшие особенности иммиграционных процессов, обусловленные их мультиэтническим и мультикультурным характером.

Во-вторых, негативное отношение к иммиграции, которое разделялось большинством европейских философов XVIII и XIX веков, считавших нацию-государство естественной политической формой организации общества, сегодня пересматривается скорее по чисто идеологическим, нежели рациональным соображениям. Идеология мультикультурализма выглядит своего рода извинением западной цивилизации перед другими народами за ее уникальное положение в современном мире. Это, однако, радикально противоречит базовым принципам либеральной теории и индивидуализма, на которых и основывалось возвышение западного мира. Продолжая проповедовать стремление к личным успехам и гордость ими на индивидуальном уровне, западные теоретики отказываются признать значимость этих факторов на уровне наций и народов. Между тем отказ от исторической идентичности происходит сегодня в одностороннем порядке; на протяжении последнего полувека западные цивилизации лишь укрепили свою идентичность и сегодня гораздо настойчивее, чем прежде, противопоставляют ее западной. Создание анклавов незападной культуры в пределах западных обществ, к чему в принципе и приводит распространение идеологии мультикультурализма, серьезно диссонирует с явным отсутствием аналогичных западных анклавов в незападном мире.

Разумеется, остановить развитие миграционных процессов невозможно. Но это лишь усиливает необходимость критически осмыслить опыт иммиграции последних

десятилетий, беспристрастно оценить соответствие ныне распространенных концепций фундаментальным принципам западной социальной философии, прийти к четкому пониманию того, что любой человек, будучи принят тем или иным обществом, не имеет оснований требовать от него обеспечения своих прав, не принимая на себя строго определенных обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иноземцев В.Л.* Иммиграция: новая проблема нового столетия. Исторический очерк // Социол. исслед. 2003. № 4.
2. См., напр.: *Rawls J.* Political Liberalism. NY: Columbia Univ. Press, 1993. P. 277; *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1990. Pp. 100, 171.
3. Цит. по: *Ruggie J.G.* Constructing the World Polity. Essays on International Institutionalization. L, NY: Routledge, 2002.
4. *Mill J.St.* Considerations on Representative Government // Utilitarianism, Liberty, Representative Government / Ed. by Acton H. L: Dent, 1972.
5. Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* "Вечные ценности" в меняющемся мире. Демократия и гражданское общество в новом столетии // Свободная мысль-XXI. 2001. № 8.
6. *Green T.H.* Lectures on the Principles of Political Obligation. L: Longman, 1941.
7. Подробнее см.: *Lind M.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. NY: Free Press, 1996.
8. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с английского под ред. В.Л. Иноземцева. М: Ладомир, 2002.
9. *Collins R.* MacroHistory. Essays in Sociology of the Long Run. Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1999.
10. *Schlesinger A.M., Jr.* The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society. NY, L: W.W. Norton & Co., 1998.
11. См.: *Glazer N.* We Are All Multiculturalists Now. Cambridge (Ma.), L: Harvard Univ. Press, 1997.
12. *Hutton W.* The World We're In. L: Little, Brown, 2002.
13. *Joppke C.* Immigration and the Nation-State. The United States, Germany and Great Britain. Oxford, NY: Oxford Univ. Press, 1999.
14. *Longly C.* Chosen People. The Big Idea the Shapes England and America. L., Hoddler & Stoughton, 2002.
15. *Lipset S.M.* American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. NY, L; W.W. Norton & Co., 1996.
16. См.: *D'Souza D.* What's So Great About America. Washington (DC): Regnery Publishing Inc., 2002.
17. См.: *Koslowski R.* Migrants and Citizens. Demographic Change in the European State System. Ithaca (NY), L: Cornell Univ. Press, 2000.
18. *Bellamy R.* Liberalism and Pluralism. Towards a Politics of Compromise. L, NY: Routledge, 1999.
19. *Myrdal G.* An American Dilemma. 2nd ed. NY: Harper & Row, 1962.
20. *Luttwak E.* The Endangered American Dream. NY: Touchstone, 1993.
21. *Glazer N.* Ethnic Dilemmas: 1964-1982. Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 1983.
22. См.: *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995.
23. Цит. по: *Buchanan P.J.* The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Our Civilization. NY: St. Martin's Press, 2002.
24. Цит. по: *Novak M.* The Rise of Unmeltable Ethnics. NY: Macmillan, 1971.
25. См.: *Tapasco J.* New Ways to Get a Job in California // International Herald Tribune. 1999. January, 18.
26. Подробнее об этом и других подобных случаях см.: *button W.* Immigration, Sovereignty, and the Future of the West // The Real American Dilemma: Race, Immigration, and the Future of America / Ed. by Taylor J. Oakton (Va.): New Century Books, 1998.
27. Подробнее о смене социальных парадигм в 70-е годы см.: *Fukuyama F.* The Great Disruption. NY: Free Press, 1999.
28. См.: Statistical Abstract of the United States 2001. Washington (DC): U.S. Census Bureau, 2001.
29. См.: *Adetunji L.* US Immigrants: Fifth Columnists or Entrepreneurs? // Financial Times. 2002. July, 23.

30. *Benhabib S.* The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era. Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2002.
31. *Hansen R., Weil P.* Introduction: Citizenship, Immigration and Nationality: Towards a Convergence in Europe? // *Hansen R., Weil P.* Towards A European Nationality. Citizenship, Immigration and Nationality Law in the European Union. Basingstoke, NY: Palgrave, 2001.
32. *Fidler S.* Sense of Crisis as Migrants Keep Moving // Financial Times. 2002. July, 25.
33. См.: *Зидентон Л.* Демократия в Европе. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001.
34. *Walter M.* Equality and Civil Society // *Chambers S., Kymlicka W.* Alternative Conceptions of Civil Society. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2002.
35. См.: *Taylor Ch.* Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1992.